

Маша Трауб

Проза разных лет

Маша Трауб

Замочная
скважина

Москва
2018

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т65

Дизайн серии и оформление обложки:
Александр Кудрявцев, студия графического дизайна
«FOLD & SPINE»

Фото автора © Роман Гончаров

Трауб, Маша.

Т65   Замочная скважина / Маша Трауб. — Москва : Изда-
тельство «Э», 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-04-093415-7

Мало кто признается, что хочет подглядеть в замочную скважи-
ну за жизнью соседей. Но мало кто откажется от подобного предло-
жения.

Ведь за каждой дверью разворачиваются драмы, разыгрывают-
ся комедии, люди ссорятся и мирятся, объясняются в любви и разво-
дятся.

Маша Трауб приглашает нас в панельную многоэтажку в спаль-
ном районе Москвы. В таком доме, где слышен каждый звук, невоз-
можно что-либо скрыть. Собственно, герои Трауб ничего скрывать
друг от друга и не пытаются — они живут своеобразной коммуной:
все друг про друга знают, вместе отмечают праздники, дружат семья-
ми и даже если осуждают кого-то, то тоже вместе.

В «Замочной скважине» Маша Трауб использует свой любимый
прием — бросать читателя из огня да в полымя, не давая ни на минуту
расслабиться, не позволяя отложить книгу, пока не узнал, что про-
изошло дальше. И, надо сказать, оторваться от «Замочной скважины»,
не перелистнув последнюю страницу, невозможно.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093415-7

© Трауб М., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

Серые однотипные девятиэтажки. Три дома вдоль, один — поперек, три дома вдоль, один — поперек. Напротив — такие же однотипные двухэтажные здания детских садов. Видимо, по задумке архитектора, все новоселы должны были размножаться как кролики, чтобы заполнить чадами такую концентрацию детских учреждений на одной отдельно взятой улице. И в каждой детсадовской группе — обязательно попугайчик в клетке и аквариум с рыбками, а иногда и черепаха, цветок алоэ на столе у воспитательницы — панацея от всех болезней, фикус в большой кадке, выюнки по стене и зеленая пластмассовая лейка на подоконнике.

И еще в каждой группе — кладовка для хранения раскладушек. В эту кладовку — прибежище и пристанище не только раскладушек, но и нянечки, воспитательница обещала отправить не-

Маша Трауб

послушных детей. Рано или поздно каждый там оказывался. В детях воспитывали не только любовь к Родине, но и страх перед замкнутым пространством. Несколько поколений покрывались липким потом и остро начинали чувствовать мочевого пузырь, оказываясь в темной затхлой комнатухе.

Дорога, разделявшая безликие дома и яркие детские садики с расписными верандами, была слишком узкой. Она так и осталась разбитой и всклокоченной с момента строительства. Где-то в ее начале навечно врос в землю каток. Он был такой же достопримечательностью улицы, как и мусорка — три огромных контейнера, которые стояли между детскими садами, втиснувшись в крошечный аппендикс. Почему-то считалось, что детские сады до мусорки — лучше тех, что после, и молодые мамы, сворачивавшие после мусорки налево, более счастливы, чем те, кто сворачивал направо. Пусть хоть в этой мелочи они были успешнее соседок. Меру успеха определяла эта мусорка.

Улица имела свой собственный запах — подгоревшей манной каши, гнилых отходов жизнедеятельности, женского тела, взмыленного уже с раннего утра, и младенческой сладости. Особен-

Замочная скважина

но остро эта какофония ароматов ощущалась напротив здания яслей, куда отдавали детей с года. Можно было застыть за забором, сделать глубокий вдох и долго кашлять после этого — запах хлорки, которой мыли детские горшки, заглушал, забивал все остальные.

В конце улицы, примыкая вплотную к последней веранде с ядрено-красными божьими коровками по бокам, стояла четырехэтажная детская поликлиника. Все маленькие воспитанники были обречены на ее посещение. Все ходили к одним и тем же врачам, сидели на одних и тех же неудобных банкетках, рассматривали рисунки и наклейки, которыми мамы украшали объемные медицинские карты, практически талмуды, и срывались с места в неудачной попытке добежать до стены, на которой был нарисован дуб зеленый со златою цепью. Кот ученый у художника не получился — все младенцы, которых мамы подносили к стене показать «котика», начинали орать. Детей постарше одергивали и усаживали назад, на банкетку.

По утрам — особенно это было заметно зимой — в окнах домов появлялись женские силуэты. Понурые сонные дети, уже перешедшие в среднюю или старшую группу, шли сами, без сопровожде-

Маша Трауб

ния, — так было заведено не пойми кем. Они текли по улице стройным ручейком, растекаясь по детским садам и группам. Мамы, которые в это время плевали в коробочку с тушью, красили ресницы, собираясь на «службу», отрывались от своего занятия и смотрели, как на втором этаже появлялась голова ребенка. Вот он садится за стол, ест манную кашу. Все хорошо. Утро наступило.

Мало кто провожал детей старше пяти лет в садик — разве что в семье имелась бабушка. Но это было редкостью и роскошью. Непозволительной. Да и зачем провожать? Все сами ходят. Мимо катка, который так и не выполнил свою функцию — не раскатал асфальт, мимо мусорки. Совсем рядом. Очень удобно. И из окна видно.

Мамы в последний раз яростно сплевывали в коробочку с тушью, настраиваясь на новый день, и выплескивались из квартир новым потоком. Бежали на каблуках — а как же иначе — на автобусную остановку, единственную на весь новый район, в единственный автобус, который вез до метро, или на станцию электрички, что, конечно, дальше — пятнадцать минут почти бегом, рысью, — но надежнее. Толкались, впихивались, втискивались. И уже там, вцепившись в перекладину, думали о том, как в перерыв сбежать в магазин, купить что-

Замочная скважина

нибудь на ужин, или уже вечером — за картошкой. В каждой дамской сумочке — старая авоська. А еще в ремонт обуви заскочить — сапоги сдать, благо будка, конура размером с туалет, приткнулась рядом с автобусной остановкой. Работали там отец и сын, похожие друг на друга как две капли воды. Отец замечательно ставил набойки, а сын продавал полусгнившие шнурки, которые быстро рвались. И гуталин всегда был засохший. Но сыну прощали шнурки ради набоек, которые ставил его отец — тот из любых туфель мог сделать башмачок для Золушки.

Сколько на этой раздолбанной улице было сломано каблучков! Сколько детских коленок разбито! Сколько колес от колясок и велосипедов отвалилось и было безвозвратно утеряно!

Молодые мамы, приноровившись, примерившись, шли с закрытыми глазами. Здесь обойти — вечная лужа. Здесь объехать — колдобина. Здесь — бордюра нет, можно заехать, не опрокидывая коляску навзничь. Даже дети топали, обходя колодцы — туда можно и провалиться, крышка всегда сдвинута. Один раз доставали Славика из старшей группы, один раз Наташу из средней. Славик ладно, а Наташа пальто испачкала и порвала. Мама накричала и по попе надавала, так что лучше обой-

Маша Трауб

ти. К помойке подходить нельзя — там крысы, их все дети видели: бегают, вышмыгивают, большие, наглые. Дети этого района дружно боялись крыс и, когда в садиках воспитательницы читали сказку про Щелкунчика, вжимались в маленькие стульчики, расписанные рябиновыми гроздьями. Да, точно есть крысиное царство — в это верили абсолютно все.

И к катку нельзя подходить — Рекс укусит. Рекс — местная бродячая собака, жившая под машиной. Говорили, что ее бросили вместе с катком и она ждала, когда ее заберут. Рекс был злой, на всех лаял, но одновременно добрый, с застенчивыми, в слезах глазами. Как будто он всю ночь плакал, когда его никто под машиной не видел.

* * *

Танюше все завидовали. Ее в садик водила старшая сестра — уже совсем взрослая, во втором классе учится. Доходила с ней до самых ворот и бежала в школу. А забирала мама. Всегда вовремя. Не то что некоторые родительницы, которые задерживались на службе, и на них ругалась воспитательница. Воспитательниц тоже можно понять — еще в магазин, суп на завтра сварить, подзатыльников своим собственным детям надавать, а надо сидеть,

Замочная скважина

ждать, когда мамаша, цокая каблуками со стертыми набойками, загнанная, как полковая лошадь, прискачет.

Эти дети, маленькие жители нового района, были обречены на фобии. Помимо клаустрофобии и земмифобии (конечно, тогда этого слова никто не знал, и боязнь крыс считалась не болезнью, а скорее излишней изнеженностью, избалованностью), был еще один страх, самый сильный, самый глубокий и мучительный — остаться одному на веранде садика или на скамеечке, смотреть на ворота и гадать, придет ли мама. А если не придет? А если воспитательница тоже уйдет и оставит одного? А если мама забыла? Или бросила?

— Ну что, тебя опять бросили? — спрашивала воспитательница у стоящего столбиком ребенка.

И это «опять» было хуже, чем кладовка и крысы.

Танюша была счастливой девочкой. Ее никогда не бросали, мама забирала ее одной из первых. К тому же у нее были зимние сапоги, пальто, фломастеры и пластилин — осталось от старшей сестры. Ей, конечно, все завидовали. Еще ни у кого пластилина нет, родительницы забыли купить,

Маша Трауб

замотались, а у Танюши есть, почти полная, нетронутая коробочка. И ножичек специальный, чтобы резать. И полотенце у нее не такое, как у всех, а особенное, с вышитым именем — Светланка. Тоже от старшей сестры. Сколько раз воспитательница просила родительниц нашить метки на полотенца! Половина не нашили. А у Танюши все уже есть. Ну и что, что написано «Светланка»? Все же знают, что это сестра. Главное, что все так, как требуется, и всегда вовремя.

Танюшу всегда ставили в пример — и косы у нее самые аккуратные, заплетенные так туго, что даже после тихого часа не расплетаются, и банты коричневые, строгие, и платье выглаженное, хоть и не новое, и колготочки на смену есть. Танюша знала, чувствовала свою значимость и исключительность. Девочка была примерная, образцово-показательная. Некрасивая, правда, но это и хорошо. Зачем девочке яркая красота? Не нужна совсем. Куда она с этой красотой? Кто ее увидит? Кто оценит? Лучше уж такая: с носиком длинноватым, с ушками торчащими. Не страшненькая ведь — девочка как девочка. И сестра у нее такая же — умница. Воспитательницы Светланку часто вспоминали: посадишь рисовать — будет сидеть, пока не позовут. И мишки пластилиновые у нее лучше, чем у всех,

Замочная скважина

получались, всегда на шкафчике в качестве образца стояли.

Танюша ходила в садик «до мусорки» и жила в первой от поворота девятиэтажке, на пятом этаже, в двухкомнатной квартире, со старшей сестрой Светланкой и мамой Ольгой Петровной, работавшей библиотекарем в одной из центральных библиотек города. Ольга Петровна болела. Светланка и Танюша не знали чем, просто принимали как должное. Болеет и болеет. Папы у них не было, и это тоже не обсуждалось, как и мамина болезнь, — нет и нет. Тогда у многих детей пап не было. А у Наташи, которая в колодезь свалилась, не только папа был, но и две бабушки и два дедушки. Так вот, считалось, что это вроде как ненормально. Зачем одной девочке столько родных? И все ей одной! Наташу, которую и отводили, и забирали, и даже папа приходил забирать, не любили ни дети, ни воспитательница. И даже радовались, что она пальто порвала. Так ей и надо. Чтобы не знавалась.

— Как мама? — спрашивала по утрам у Светланки соседка со второго этажа, тетя Рая. Тетя Рая бежала в поликлинику, где работала медсестрой, а Светланка вела Танюшу в садик, а потом бежала в школу.

Маша Трауб

— Спасибо, хорошо, — вежливо отвечала Светлана.

Танюша удивлялась — мама не кашляла, не сморкалась и выглядела совсем здоровой. Но при ней было запрещено шуметь, кричать или капризничать, потому что маме нельзя было нервничать, от этого у нее начинала болеть голова.

Иногда они шли в садик втроем — тетя Рая отдавала Светланке свою дочку Маринку. Танюша хоть и ходила в одну группу с Маринкой, но девочки не дружили, поэтому до садика шли молча и быстрее обычного.

Когда в лифт заходил Валерка, сын тети Лиды с восьмого этажа, Танюша крепко сжимала Светланкину ладонь. Валерка был ровесником Светланки — они учились в параллельных классах, и Танюша была в него тайно влюблена. Она старалась скрыть свои чувства и поэтому молчала как партизан и, не моргая, рассматривала кнопки лифта, которые Валерка регулярно подпаливал спичками.

По дороге из садика домой Ольга Петровна с Танюшей заворачивали к булочной, чтобы купить хлеба и иногда пирожное или булочку, обсыпанную сахаром.

— Здравствуйте, Олечка.

Замочная скважина

— Здравствуйте, Израиль Ильич. — В очереди в булочной (Ольга Петровна говорила «булошной» и требовала, чтобы девочки тоже так говорили) они почти всегда сталкивались с соседом с шестого этажа. Танюше он очень нравился. Израиль Ильич смотрел на нее и хитро улыбался, даже подмигивал, иногда корчил смешные рожицы. Он был музыкант, и Танюша слышала, как он играет по вечерам на пианино. Маме это не всегда нравилось, у нее начинала болеть голова, а Танюша сидела в своей комнате и слушала музыку. Израиль Ильич играл в оркестре, и однажды мама водила ее на концерт — он же и дал им билеты. Жена Израиля Ильича Тамара Павловна тоже была музыкантом. Играла на скрипке. Танюша дома ее никогда не слышала — наверное, Тамара Павловна играла днем, когда она была в садике.

Танюша знала, что мама не очень любит соседей сверху, несмотря на подаренные билеты и даже пригласительный на одно новогоднее представление, которое ей очень понравилось. Но маме почти никто из соседей не нравился. Тетю Раю, которая угощала Светланку и Танюшу баранками, она считала простоватой, а маму Валерки, тетю Лиду, — слишком вызывающей, «дамочкой с горором».